

УДК 613(091)(47+57)
DOI 10.37386/2413-4481-2021-3-89-97

Е.В. Каунова

Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар, Россия

АЛКОГОЛЬНЫЙ ВОПРОС: ОБРАТНАЯ СТОРОНА СОВЕТСКОЙ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ИДЕОЛОГИИ (ИСТОРИОГРАФИЯ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Цель данного исследования – сбор, анализ, вскрытие причинно-следственных связей между идеологией политического смысла и формированием морали здорового образа жизни в СССР. Акцентируется исследование на изучении алкогольного вопроса в советский период нашей страны. Научная новизна заключается в серьезной попытке достаточно масштабного сбора и обработки вышеназванной информации, которая в исследовательском пространстве в немалой степени фрагментирована. В результате проведенной работы проанализированы обширная источниковедческая база по теме, каталожный материал алкогольной продукции, воспроизведен сравнительный анализ научных взглядов на проблему.

Ключевые слова: СССР, алкоголь, алкогольное потребление, алкоголизация населения, ассортимент алкогольных напитков, социальное здоровье/нездоровье, трансформация идеалов, печатная продукция алкогольной тематики.

E.V. Kaunova

Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia

THE ALCOHOLIC ISSUE: THE REVERSE SIDE OF SOVIET HEALTH-SAVING IDEOLOGY (HISTORIOGRAPHY AND STATEMENT OF THE PROBLEM)

The purpose of this study is to collect, analyze, and uncover the causal relationships between the ideology of political meaning and the formation of healthy lifestyle morals in the USSR. The research focuses on the study of the alcohol issue in the Soviet period of the country's development. The scientific novelty lies in a serious attempt to collect and process on a large scale the above-mentioned information, which is largely fragmented in the research space. As a result of the conducted work, an extensive source base on the topic, catalog material of alcoholic beverages is analyzed, and a comparative analysis of scholarly views on the problem is presented.

Key words: the USSR, alcohol, alcohol consumption, alcoholization of the population, assortment of alcoholic beverages, social health / ill health, transformation of ideals, printed materials on alcohol topics.

Анализируя советскую систему обеспечения здорового образа жизни населения, мы не можем не упомянуть о серьезных проблемах, возникавших в процессе употребления алкоголя жителями СССР, а также о способах государственной борьбы с таковыми.

Как отмечает М.А. Клинова, исследовательская разработка такой характеристики социального здоровья, как показатели уровня, объемов и структуры потребления алкоголя, достигла своего апогея только к началу XXI века. Что касается предшествующих периодов, то необходимо отметить проблему умалчивания тех социальных катаклизмов, к которым время от времени приводил процесс социальной алкоголизации.

На протяжении практически всего советского историографического этапа вопросы объемов и характера алкопотребления отечественным населением попросту игнорировались официальными источниками информации (за исключением второй половины 1980-х гг., когда на волне антиалкогольной кампании эта тема стала активно обсуждаться в публицистических и периодических изданиях) [1, с. 60].

Сегодня и в научно-исследовательской, и в широкой читательской литературе прослеживаются различные подходы к изучению проблемного вопроса относительно массового употребления алкогольной продукции. На полемический уровень поднимаются вопросы пропаганды политической

идеологии, качества потреблявшихся в СССР спиртосодержащих продуктов, взаимосвязи алкоголизации, уровня смертности и суицидальной активности населения и прочих сопутствующих тем. И все же можно выделить следующий, сближающий практически все исследования, объективный аргумент: в качестве ключевой характеристики, на основе которой формулируются выводы различных авторов о степени алкоголизации советских граждан, берутся показатели годового потребления чистого алкоголя (этанола) в расчете на душу населения [2].

Примечательно, что расчеты разных авторов касательно объемов потреблявшегося советским населением алкоголя совпадают далеко не всегда. Различия в этих расчетах фрагментарно детерминированы спецификой методик вычислений, а некоторые предложенные конкретными исследователями данные вообще вызывают серьезные научные сомнения.

К примеру, В.П. Нужный применительно к объемам душевого употребления алкоголя в 1941–1945 гг. вводит излишне лаконичную ремарку «винокурные заводы не работали», что, разумеется, в принципе не может адекватно отразить даже половину фактических актуальных реалий. С одной стороны, его поспешные выводы можно парировать тем фактом, что часть советских заводов, производивших алкоголь, функционировала и до 1945 года. В этот процесс вписывается как минимум то обстоятельство, что 7 июля 1944 г. после освобождения Минска был запущен спиртоводочный завод (в постсоветское время ставший «Кристаллом»), который уже к 10 июля того же года произвел 279 декалитров водки [3, с. 89].

Более убедительным представляется тезис В.В. Похлебкина, что производство водки во время войны не прекратилось совсем, а по понятным причинам (в частности, по той причине, что немалая часть заводов была попросту разрушена) было сокращено с 90,5 млн декалитров (1940) до 18-20 млн декалитров (1944) [4, с. 320].

Помимо этого, крайне сомнительная версия В.П. Нужного о «неработающих заводах» вообще не может быть характеристикой душевого потребления алкоголя, если данный автор имел в виду полную трезвость граждан в годы войны. Парировать можно как минимум тем фактом, что так называемые «фронтовые 100 граммов» или «наркомовские 100 грамм» (отсылка к К.Е. Ворошилову) в РККА выдавались советским воинам практически на протяжении всей войны (лишь с редкими и временными ограничениями в зависимости от специфики боевых действий) [5].

Определенная согласованность современных исследователей алкоголизации страны прослеживается в тезисе, согласно которому объем употребления алкоголя советскими гражданами был наименьшим в предвоенные годы. В военный и послевоенный периоды потребление пивных и винно-водочных изделий было также минимальным по сравнению с последующими десятилетиями советской истории. Статистика, оформленная В.Г. Ждановым, А.В. Немцовым и др., напрямую свидетельствует о динамике нарастающей алкоголизации населения СССР. Официально зарегистрированные объемы потребляемого алкоголя (в пересчете на спирт) непрерывно росли: если в начале 1950-х гг. душевое потребление равнялось 1,7–3,5 литра (по разным данным), то в 1960-е гг. – уже 10, а в 1970-е – 12 литрам.

Неизбежный вопрос о том, что послужило причиной/причинами нарастания объема и темпов такого деструктивного процесса, разные авторы сопровождают различными ответами. С точки зрения А.В. Никишина, практически полное отсутствие массового пьянства в сталинский период можно объяснить страхом людей лишиться работы или попасть в лагерь. Что касается введения традиции «наркомовских 100 грамм», то ее следует отнести к военному исключению из мирных правил жизни, да и традицией они стали чуть позже [6]. Тем не менее этот фактор тоже нельзя скидывать со счетов, поскольку не все вернувшиеся с полей Великой Отечественной войны люди смогли идентифицировать себя в мирной жизни без допинга. Одни страдали так называемым посттравматическим стрессовым расстройством, другие требовали «продолжения банкета», причем вторая позиция могла доходить даже до той логики, которую отмечает такой эксперт по истории алкоголизации, как А.В. Немцов: «Мы воевали, победили, поэтому будьте добры предоставить нам хорошую работу с достойной зарплатой, приличное жилье, помимо этого, и доступ к спиртному» [7].

Получается, что версия А.В. Никишина о взаимосвязи ослабления идеологического прессинга и спровоцированного этим пьянства верна лишь отчасти. На самом же деле на тот момент времени (в условиях еще не до конца сформированного гражданского сознания) спаиванию населения больше способствовали вполне объективные, а не только субъективные факторы. Разумеется, войну все проходили и переживали впоследствии по-разному: кто-то обращался к алкоголю для притупления болевых эмоциональных ощущений, а кто-то нет. Не следует забывать и о том, что в качестве ключевого фактора формирования

человеческой судьбы можно выделять не только природную и социальную среду, но и волю самого человека. Тем не менее нельзя недооценивать вполне серьезную и аргументированную версию разных авторов насчет того, что социализированное пьянство стало инструментом манипулирования массовым сознанием [8].

К примеру, исследователь В.П. Попов подчеркивает, что увеличение потребления алкоголя отнюдь не было побочным эффектом социально-экономических и политических процессов, разворачивавшихся в СССР в разные периоды, а представляло собою следствие политики вполне целенаправленного «спаивания» народа, начатой еще И.В. Сталиным. Правительство, пытаясь сохранить так называемый бездефицитный бюджет, снизило цены на алкоголь на 56,7 % (то есть, к примеру, с 60 до 30 руб. за 0,5 литра водки). Параллельным процессом стало увеличение производства водки в 1947–1949 гг. с 41,4 до 60 млн декалитров, что, по мнению В.П. Попова, и выступило в качестве экономического компромата спаивания советских граждан [9, с. 69–70].

Примечательно, что гипотеза о государственной политике намеренного спаивания советского населения высказывалась советологами (в частности, мигрировавшим в США профессором И.А. Кургановым) еще задолго до распада самой страны Советов [10].

Если упомянутый В.П. Попов считает, что моральная ответственность за спаивание населения лежит на совести «вождя народов», то, к примеру, М. Кудрявцев, А. Мирон, Р. Скорынин более обоснованно, с опорой на гораздо более обширный фактографический материал, утверждают, что политика геноцида против советского населения начала проводиться в хрущевско-брежневский период [11]. Для подтверждения того факта, что определенная часть государственного аппарата СССР отнюдь не была равнодушна к процессу производства алкогольной продукции, можно обратиться к содержанию некоторых книжных изданий. Ценную информацию дают, например, «Сборник иностранных рецептов ликеро-водочных изделий» (1938) [12] и «Каталог ликеро-водочных изделий» (1957) [13], продаются и сегодня на некоторых сетевых аукционах. Первое из этих изданий было отпечатано при непосредственном участии Ленинградского ликеро-водочного завода и нацеливалось на инструктаж. Второе было богато на описание и иллюстрации ассортимента того, что уже во времена администрирования Н.С. Хрущева заполонило торговые прилавки СССР [14].

Известны и другие весьма подробные издания: под авторством М.А. Герасимова «Технология винодельческого производства» (1948), «Технология вина» (1959, 1964), «Технология вина типа мадера» (1963) [15].

Страницы каталога 1957 года наполнены аннотациями к таким напиткам, как «Анисовый ликер» (крепость 40 %), «Мятный ликер» (35 %), «Ликер Прозрачный» (40 %; сырье из тмина), «Ликер Кристалл» (45 %), «Апельсиновый ликер» (35 %), «Южный желтый ликер» (40 %), ликер «Бенедиктин» (43 %), ликер «Шартрез» (44 %), ликер «Новогодний» (30 %; на абрикосовом спиртованном соке, настоях корицы, корки бигарадии и лимона), «Миндальный ликер» (27 %), «Пряный ликер» (39 %), «Кофейный ликер» (30 %), «Облепиховый ликер» (25 %), «Малиновый ликер» (25 %) и еще порядка 15 наименований ликеров из самых разных плодово-ягодных культур, а также с добавлением цитрусовых и прочих компонентов.

Помимо категории товара «Десертные ликеры» в каталоге 1957 года можно наблюдать «Кремы»: «Малиновый крем» (23 %; приготовлен на спиртованном соке малины, густая консистенция, мягкий вкус и аромат малины), «Черносмородиновый крем» (23 %), «Вишневый крем» (23 %), «Рябиновый крем» (20 %; на спиртованном соке сушеной рябины), «Шоколадный крем» (23 %; десертный экстрактивный напиток, приготовленный на настое какао с добавлением ванили), «Кизилковый крем» (20 %).

Следующий раздел «Наливки»: «Малиновая наливка» (18 %; на спиртованном соке свежей малины), «Черносмородиновая наливка» (20 %; на натуральном спиртованном соке черной смородины), «Запеканка» (20 %; «старинный сорт русской наливки», приготовленный «на спиртовых настоях сушеной вишни, чернослива и черники; имеет вкус и аромат томленной вишни»), «Спотыкач» (20 %; «старинный сорт русской наливки», приготовленный «на спиртовых настоях сухой вишни, чернослива и, частично, черники; имеет аромат дымного чернослива»), «Алычевая наливка» (20 %), «Кизилковая наливка» (18 %), «Северная наливка» (20 %; на натуральном спиртованном соке клюквы), «Курортная наливка» (19 %; на натуральном спиртованном соке яблок с добавлением настоя кураги), «Чайная наливка» (20 %), «Айвовая наливка» (18 %), «Терновая наливка» (18 %), «Клубничная наливка» (18 %) «Сливянка» (18 %), «Вишневая наливка» (20 %), «Золотая осень» (20 %), «Славянка Украинская» (18 %; на сливовом спиртованном соке с добавлением черносливого и черничного морсов), «Украинская

вишневая наливка» (20 %), «Запеканка Украинская» (20 %), «Спотыкач Украинский» (20 %).

Данный перечень своим разнообразием способен впечатлить даже современных искушенных алкогурманов, однако он еще не полон. В каталог 1957 года вошли также аннотации по категории «Настойки сладкие» (по описанию мало чем отличающиеся от ранее перечисленных наливок): «Клюквенная», «Ежевичная», «Брусничная», «Голубичная», «Черемуховая» и еще порядка 11 наименований, крепость которых преимущественно 20 %, реже – 24 % или 30 %, «Настойка Отличная» (на эфирном масле тмина) 40 %.

Следующий раздел «Настойки горькие»: «Охотничья горькая» (45 %; «приготовлена на ароматном спирте из 11 видов сырья, содержащего различные ароматические вещества – имбирного, калганового и ангеликового корней, гвоздики, перца черного и красного, можжевельной ягоды, кофе, бадьяна, а также апельсиновой и лимонной корок; в настойку добавляют 20 % белого портвейна»), «Старка» (43 %), «Лимонная горькая» (40 %), «Кориандровая» (40 %), «Ерофеич» (40 %), «Горный дубняк» (40 %), «Вишневая горькая» (30 %), «Можжевельная горькая» (30 %), «Перцовая горькая» (30 %), «Горькая настойка» (40 %; «приготовлена на ароматном спирте калганового корня, гвоздики, кубебы, кардамона, мандариновой корки и др.; имеет мягкий, с небольшой горечью вкус и округленный букет со слегка выделяющимся ароматом цитрусовых»), «Померанцевая горькая» (40 %), «Померанцевая горькая желтая» (40 %), «Тминная горькая» (30 %), «Хинная горькая» (40 %), а также горькие «Анисовая», «Мятная», «Курская», «Кубанская», «Зубровкая», «Зверобой», «Dag Po Viena», «Trijos Devyneriai», «Украинская горилка с перцем», «Осенняя», «Апельсиновая», «Рябиновая», «Чабрецовая», «Полынная», «Советский Ром», «Советское Виски», «Рижский черный бальзам» (все по 30, 40 либо 45 % крепости). В качестве заключительного раздела в указанном каталоге фигурируют «Водки»: «Водка Московская особая» (40 %), «Столичная» (40 %), «Украинская горилка» (45 %), «Водка 50 %», «Водка 56 %».

Разумеется, это далеко не все, что отображает ассортимент винно-водочной продукции СССР (как минимум здесь еще нет популярной в народе «Пшеничной», которая добавилась в 70-е годы и стала содержать закручивающиеся колпачки на бутылках), не говоря уже о мощной индустрии производства пива, портвейна, коньяка, вермутов и шампанского, которые популяризировались через многочисленные советские художественные

фильмы самых разных жанров от легкой комедии до серьезных шпионских боевиков.

Помимо этого, не следует забывать и о том, что в СССР поставлялись и крепкие спиртные напитки сугубо иностранного происхождения, из дружественных стран соцлагеря (Болгарии, Румынии, Венгрии, Польши и др.). По вполне понятным причинам гораздо реже в советские продуктовые магазины поступали вина производства капиталистических стран, в частности испанские и португальские, однако в подавляющем большинстве случаев до прилавков розничной торговли они так и не доходили, поскольку раскупались клиентами, жаждущими экзотики, еще на базах. В лучшем случае их могли приобрести только через хороших знакомых, то есть фактически по блату, к тому же с немалой переплатой [16].

Примечательно также, что, несмотря на относительно жесткий государственный контроль качества в различные советские годы, в отдельных регионах ситуация могла доходить до абсурда, что не замедлили отобразить в своих работах некоторые кинематографисты уже во времена откровенной перестройки. В частности, режиссер Булат Мансуров в эпизоде фильма «Поражение» (1987) демонстрирует сцену, которая для понимания позднего советского и уже постсоветского алкогольного рынка дает гораздо больше ценного фактографического материала, чем все комедии Л. Гайдая и Э. Рязанова. Суть подразумеваемого фрагмента в том, что команда советских летчиков оказывается на Кавказе, где практически каждый из них надеется приобрести популярные и некогда расхваленные на всю территорию СССР местные вина. Однако каждый получает ровно то, что заранее уготовил для них делец-спекулянт и ни граммом изысканности больше [17].

Что касается объективных и субъективных причин масштабного пьянства или как минимум повышенного уровня интереса населения СССР к алкоголю, то достаточно любопытна позиция на этот счет исследователя Е.А. Паршакова. Данный автор рассмотрел проблему социальной алкоголизации сквозь призму серьезных социально-психологических трансформаций советской нации. Вследствие этого указанный аналитик сформулировал предположение о том, что относительная трезвость в нашей стране в 30–60-е гг. XX столетия была детерминирована отнюдь не совокупностью жестких репрессивных мер, а более-менее грамотной социальной политикой руководства. Масштабное же пьянство было спровоцировано лишь к 70-м гг.

На протяжении 30–50-х гг. большая часть советского населения достаточно отчетливо видела перед собою высокие, в его понимании, цели, к которым оно более-менее настойчиво продвигалось. Однако данный период романтического энтузиазма и глубокой уверенности в счастливом социалистическом будущем к 70-м гг. стал сменяться деформацией веры в достижение исходных целей и ценностей. По сути дела, жизнь большинства советских людей трансформировалась в неудовлетворявшее их относительно бесцветное, серое будничное существование, смысл которого терялся все больше и больше.

Именно в это время оказалась обнаженной целая масса ранее весьма слабых или тщательно замаскированных негативных феноменов социально-экономического плана, что спровоцировало у советских граждан весьма глубокую неудовлетворенность собственной жизнью. Впоследствии же безверие или крайне ослабевшая вера вылились в разные формы массового алкоголизма, стали социализированной реакцией большинства населения на потерю или обрушение его идеалов, на стремительный крах иллюзий, в которых оно находилось на протяжении нескольких предыдущих десятилетий [18, с. 200].

Однако с данной весьма категоричной версией Е.А. Паршакова о крайне серьезных социально-психологических предпосылках увеличения уровня потребления алкоголя есть основания не соглашаться. Во-первых, выделенные им «бесцельность» и «серость» стандартного советского существования – оценки, скорее говоря, субъективные и весьма релятивные, к тому же не подтвержденные достаточным количеством и качеством историко-социологических исследований. Многие современники старшего поколения (в том числе максимально убежденные в своей правоте коммунисты) вспоминают период так называемого брежневского застоя с гораздо большей теплотой, чем политические выходки Н.С. Хрущева.

Во-вторых, манифестация Е.А. Паршаковым пьянства как закономерного последствия негативных явлений социально-экономического характера (в частности, обострение проблем товарного дефицита и общее снижение уровня материально-финансового благосостояния) также представляется крайне спорной. В качестве аналитического противовеса можно привести достаточно весомый объем статистических данных, выверенных исследователями Ю.В. Андриенко и А.В. Немцовым. Данные авторы весьма убедительно проиллюстрировали закономерность, согласно которой повышение уровня индивидуальных доходов населения

конкретной страны совершенно не обязательно приводит к стабилизации или снижению негативных тенденций алкоголизации, а в ряде случаев даже наоборот – способно повысить спрос на употребление различных алкогольных напитков (в частности, водки, вина и пива) [19, с. 30].

Один из наиболее злободневных вопросов, связанных с алкопотреблением в СССР и изучаемых по сей день разными исследователями, затрагивает ассортимент выпускавшейся в то время продукции. Вопреки стереотипам современных коммерческих СМИ, согласно которым традиционно популярным напитком является водка, на самом деле она далеко не всегда была хитом коммерческих продаж. Помимо выпуска данного продукта начиная с 1960 года государством был намечен курс на увеличение производства и продажи винных напитков, пива, а также более крепких винных вариаций – портвейна и вермута. Так называемая структура потребления алкоголесодержащих напитков вызывает у современных аналитиков немало споров и провоцирует появление разных исторических или псевдоисторических версий.

К примеру, И.В. Качалов (автор консалтингового исследования «Повышение эффективности продаж алкоголя»), отталкиваясь от международной статистики World Drink Trends, акцентирует внимание заинтересованной публики на том, что в период с 1961 по 1985 гг. в СССР эксплуатация водки составляла лишь порядка 3 литров на человека в год (причем в пересчете на чистый спирт). В основной же объем алкогольного потребления входили вино (5–15 литров на человека в год) и пиво (12,5–25 литров). Лишь после проведения государством так называемой антиалкогольной кампании, официального распада государственно-территориальной структуры СССР и подрывных рыночных реформ 1990-х гг. в структуре потребления алкогольных напитков бывшими гражданами нашей страны начала преобладать именно водка, объективно оттесняя на рынке менее крепкие алкогольные напитки [20, с. 2–3].

Другие взгляды на данную проблему выразили А.К. Демин и И.А. Демина. Они отметили, что, независимо от роста объемов производства слабоалкогольных напитков в СССР, к 1980 году структура потребления алкоголя выглядела следующим образом: для средней полосы России 62,9 % – водка; 15,1 % – крепкое вино; 8,2 % – плодово-ягодные вина; 32,7 % – сухие вина; 0,9 % – различные домашние хмельные напитки; 3,4 % – пиво. В южных районах очевидно более высоким был удельный вес сухих вин, а на территориях, простирающихся ближе к Сибири, – водка. Что

касается общей картины, то, согласно расчетам указанного тандема авторов, в СССР базовый объем потребления алкоголесодержащих напитков составляла все-таки водка [21, с. 16].

Сложно с какой-то точной определенностью сказать, какая из этих версий ближе к реальности. Как минимум по той причине, что любая статистика относительна и по разным причинам далеко не всегда отображает реальное положение вещей, к примеру, в ряде случаев водка использовалась и продолжает использоваться не по прямому назначению, в частности для медицинской дезинфекции (банальное полоскание рта, когда болят зубы, или растирание тела во время простуды и под рукой нет профильного спирта). С другой стороны, различные статисты способны сбиваться и ошибаться в своих вычислениях, как и любые другие специалисты. К тому же не всегда верно берется шкала исчислений.

Следует помнить о том, что помимо лицензированного алкоголя, поставлявшегося населению через различные торговые сети (статистика объемов производства и продаж которого велась на более-менее серьезном официальном уровне), в СССР также процветала и отрасль самогонварения. Историографические аспекты данного феномена раскрыты в исследовании Прогнозно-аналитического центра Академии управления глобальными и региональными процессами социального и экономического развития под названием «Оружие геноцида: самоубийство людей и его механизмы». Данная серьезная работа посвящена изучению проблем наркомании, табакокурения и пьянства в СССР и постсоветской России. Авторы указанного исследования отмечают, что с 1960-х гг. расчеты объемов изготовления и употребления самогона в СССР осуществлял американский советолог В. Трэмль, с 1980 года аналогичные расчеты в условиях соблюдения режима секретности начал делать Госкомстат РСФСР, а с 1981 г. исследованием данной проблемы вплотную занялся аналитик А.В. Немцов.

Независимость этих трех оценок друг от друга и определенная близость выраженных ими значений дает основание сделать вывод, что средний уровень потребления населением самогона в преддверии антиалкогольной кампании составлял 3,8 литра. Иначе говоря, в СССР середины 1980-х гг. самогон составлял более 20 % от общего литража душевого потребления алкоголя [22].

По вполне понятным причинам напрашивается и вывод, что проводившиеся в различные годы антиалкогольные кампании лишь отчасти снимали социальную напряженность алкоголизации; с

другой стороны, именно они провоцировали население на подпольное изготовление алкогольной продукции, на фальсификацию официальных товарных марок и прочие рискованные или очевидно негативные действия и процессы.

Что касается количества употреблявшегося спиртного в СССР на начало 80-х гг., то различные авторские оценки в определенной степени расходятся на этот счет. Согласно вычислениям аналитиков, душевое потребление составляло от 11,4 до 15,4 литра спирта. В частности, данные, приводимые В.П. Нужным (24 литра), если смотреть на них невооруженным взглядом, в немалой степени превышают авторские оценки других экспертов. Однако следует учитывать тот факт, согласно которому указанный исследователь в качестве источника данных обозначает материалы съездов, на которых объемы употреблявшегося населением спиртного указывались в общем объеме, а не в пересчете на так называемый абсолютный алкоголь. В процессе конвертации данных В.П. Нужного в чистый алкоголь получается 9,6 литра, что даже ниже показателей расчетов других исследователей. С другой стороны, следует учитывать, что сам по себе душевой объем чистого алкоголя не является какой-то решающей иллюстрацией [23].

Авторы же указанного исследования «Оружие геноцида: самоубийство людей и его механизмы», взяв в качестве отправной цифру употребления алкоголя в 14,2 литра, конвертируют ее в более понятные единицы. Данный объем соответствует 35,5 литра водки (71 полулитровая бутылка) в год на каждого человека в стране. Учитывая соотношение мужчин и женщин в СССР 1984 года, а также тот факт, что мужчинами выпивалось 4/5 общего количества спиртного, с поправкой на вычет малолетних детей и непьющих мужчин, получается, что 80 % взрослых мужчин выпивали в среднем более 200 бутылок водки в год, то есть более чем 1 бутылка в два дня. Отталкиваясь от таких вычислений, авторы делают весьма резонансный вывод, что «подавляющее большинство российских мужчин можно считать пьяницами».

Если принимать на веру то, что популярный сатирический монолог телеперсонажа Савелия Крамарова под названием «Как жить дальше?» (1971) соответствовал непосредственной реальности среднестатистического советского труженика (который, согласно сюжету, размышлял об экономии своей ежемесячной зарплаты ради того, чтобы оставалось на энное количество бутылочек спиртного), то получается, что указанный вывод вполне может соответствовать какой-то части исторической реальности. Однако, с другой сто-

роны, следует понимать, что часть алкоголя могла употребляться не в качестве пищевого продукта, портиться, выбрасываться и т. д.

К тому же близкое общение с представителями старших поколений свидетельствует о том, что и в городской, тем более в сельской, местности употреблять огромные объемы алкоголя было временами попросту некогда. Так называемый менталитет тоже был несколько иной, нежели сейчас: помимо того, что алкоголизация не только местами популяризировалась (до наших дней сохранились, к примеру, и плакаты с призывами к анти-ЗОЖ: «Пиво обладает приятным вкусом и способствует возбуждению аппетита», «Пейте пенное!», «Требуйте полного налива пива до черты 0,5 литра», «Трехгорное пиво выгонит вон и ханжу, и самогон!» и т. п.), но и весьма жестко критиковалась (как в публичном, так и личном коммуникативном пространстве) [24].

Вполне закономерным результатом алкоголизации населения в условиях не всегда сбалансированной и рациональной политики различных советских министерств и ведомств возросший к первой половине 80-х гг. уровень употребления спиртного крайне негативно отразился на здоровье и образе жизни граждан. Серьезную опасность маркировали, к примеру, некоторые наиболее дальновидные сотрудники КГБ, но недооценивали в министерстве торговли. И правительство лавировало между формированием иллюзии заботы о населении и запросами на получение прибыли от продаж. Минздрав же (в рамках деятельности которого лучшая профессура всегда отчетливо осознавала именно социальный вред алкоголизации: для сферы производства, для гражданской осознанности, для безопасности отношений в семье и т. д.) в лучшем случае «предупреждал», занимался профилактически-просветительской работой, но насильно никого не мог оградить от стремительно распространявшейся заразы. Тем не менее с целью оздоровления советской нации в 1985 году был принят Указ Президиума ВС РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» [25].

Что касается последствий реализации нового закона, то оценки экспертов на этот счет тоже расходятся. Одни из них, используя многочисленные иллюстрации, настаивают на подчеркивании негативных экономических последствий для страны, другие анализируют социальные или социально-психологические характеристики результатов нового витка развития отечественной политики.

Немалое количество авторов в своих произведениях пытаются доказать, что антиалкогольная горбачевская политика отразилась на здоровье советского населения достаточно положительным образом. К примеру, аналитик А.В. Немцов отследил характеристики процесса влияния объема потребляемого алкоголя на суицидальную активность населения [26]. Немаловажно, что он опирался на данные Госкомстата, а также использовал в своей работе расчеты объемов употребления алкоголя, сделанные зарубежными специалистами, и собственные вычисления, акцентируясь на выборке из жизни 8 разных областей.

В результате проведенных исследований А.В. Немцов пришел к выводу, что потребление алкоголя выступает в качестве весьма принципиального фактора суицидальной активности населения, поскольку более половины завершённых самоубийств произошло в состоянии именно алкогольного опьянения. Обнаруженная корреляция данных феноменов дала А.В. Немцову возможность увидеть достаточно отчетливую и более-менее прямолинейную взаимозависимость: повышение среднестатистического потребления алкоголя в России на 1 литр добавляет 8 мужских самоубийств на каждые 100 000 мужчин и 1 женское самоубийство на каждые 100 000 женщин. В результате же указанной антиалкогольной кампании общее количество самоубийств в СССР снизилось. Примечательно также, что в данном контексте число самоубийств с отсутствием алкоголя в их крови практически не изменилось, а количество самоубийств, у которых было установлено наличие алкоголя в крови, существенно снизилось – с 22 человек на 100 000 в 1984 до 9,9 граждан в 1986 (то есть на 55 %) [27].

В своих исследовательских разработках А.В. Немцов и К.Б. Яновская смогли отследить взаимосвязь между объемами потребляемого алкоголя и смертностью граждан СССР в результате алкогольных отравлений. Они проиллюстрировали, что в СССР начиная с 1960-х гг. смертность по причине алкогольных отравлений возрастала практически беспрерывно. В середине 60-х гг. в результате алкогольных отравлений умирало ежегодно примерно 10–15 тыс. жителей РСФСР, в начале 70-х – более 20 тыс. человек, в 1980 году – более 30 тыс. человек, в 1984 году этот показатель достиг уже 38,5 тысяч человек. Однако после начала очередной антиалкогольной кампании стало наблюдаться резкое снижение уровня алкогольной смертности, а в 1987 году алкогольная смертность снизилась до 11 тыс. человек. Последующий стремительный рост алкогольных от-

равлений начался уже в начале 1990-х гг. в связи с отменой сухого закона и государственной винной монополии в 1992 году [28].

Разумеется, не следует сбрасывать со счетов и фактор серьезного общественно-психологического стресса у населения в результате распада СССР и крушения надежд и социальных гарантий огромного количества людей.

Другая часть исследователей склонна интерпретировать последствия антиалкогольной кампании, начатой в 1985 г., как более отрицательные, нежели положительные. К примеру, А.С. Орлов выразил убежденность, что соответствующие мероприятия привели к увеличению объемов и темпов процесса самогонарения и, наоборот, росту потребления гражданами самодельных и технических спиртосодержащих жидкостей, в результате чего увеличилось число смертей от алкогольных отравлений. В определенной степени фактографический акцент, сделанный А.С. Орловым, вполне объективен: употребление самогона и спиртосодержащих суррогатов в период горбачевской антиалкогольной кампании возросло в несколько раз. Аналогичную закономерность отметили Ю.В. Андриенко и с нею не стал спорить вышеупомянутый А.В. Немцов [29, с. 599–604].

Но вывод А.С. Орлова об увеличении алкогольной смертности в период реформы не подтвержден официальной статистикой. Данный автор не привел конкретных цифровых показателей, а просто оттолкнулся от тезиса о том, что отравиться можно только некачественным алкоголем. С формальной точки зрения это, действительно, может быть так, однако количественный фактор употребления играет ничуть не меньшую роль, чем качественный. Любой профессиональный медик подтвердит, что спирт токсичен сам по себе, и единовременное потребление 0,5 спирта (даже адекватно высокого качества) может закончиться летальным исходом: в зависимости от возрастных и личностных особенностей организма.

В качестве отдельного серьезного вопроса можно выделить также социально-психологический фактор морального отторжения населения по отношению к тем реформам, авторы которых пытаются запретить то, что их предшественники либо даже они сами ранее разрешили. Закономерность возникновения неофициального хозяйственного или иного противовеса не раз обозначала себя как в советское время, так и в период карантинных мер недавней самоизоляции в связи с предотвращением распространения коронавируса. То, что заявлялось губернаторами отдельных регионов как мера профилактики (в частности,

уменьшение количества часов для официальной продажи алкоголя в вечернее время), несколько не снизило алкогольной напряженности в стране; поскольку данная серьезная зависимость просто так не исчезает ни за несколько недель, ни за несколько месяцев. Временное ограничение, с одной стороны, снизило обороты прибыли законопослушных предпринимателей, увеличило долю критики и протестных настроений в адрес правительственных кругов; с другой стороны, увеличилось количество нелегально-подпольных точек продажи и, соответственно, спекулятивных махинаций. То, что в официальные часы имело одну стоимость, в запрещенные государственным чиновниками вечерние и ночные часы стало стоить в 1,5 и даже 2 раза дороже.

Более-менее системный анализ современной историко-экономической и социально-демографической литературы по проблеме употребления алкоголя жителями СССР во второй половине XX века демонстрирует, что за недавние десятилетия отечественными исследователями были осуществлены достаточно серьезные сдвиги в разработке данной темы: были изучены структура и объемы употребления спиртосодержащих продуктов, обнаружена принципиально важная закономерность влияния потребляемого алкоголя на суицидальную активность и смертность населения. Тем не менее предстоит и дальнейшая масштабная работа в этом направлении. Немалое количество социально-экономических, моральных и прочих проблем СССР применительно к употреблению алкогольной продукции известными аналитиками было только сформулировано, но еще в достаточной степени не раскрыто или не нашло необходимой доказательной базы.

К примеру, нуждаются в дальнейшем изучении вопросы качества советских разновидностей алкоголя, его адекватности существовавшим технологическим требованиям и комплексное сравнение с современными отечественными аналогами, а также проблема фальсификации спиртосодержащей продукции в СССР. Помимо этого, в более глубоком изучении нуждаются вопросы сопоставления объемов потребляемого алкоголя по регионам СССР и РСФСР, а также сравнения советских показателей употребления с показателями других социалистических и капиталистических стран на протяжении XX века. Немалое количество поставленных вопросов и обозначенных проблем может быть решено в рамках масштабного историко-демографического исследования, посвященного здоровью и образу жизни советского населения.

Библиографический список

1. Клинова М. А. Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е – конец 1980-х гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 2 (76). С. 60.
2. Жданов В. Г. Алкогольный и наркотический террор против России // Соратник. 2002. № 2 (75).
3. Нужный В. П. Вино в жизни и жизнь в вине. М.: Синтег, 2001. С. 89.
4. Похлебкин В. В. История водки. М.: Центрполиграф, 2000. С. 320.
5. Сидорчик А. Наркомовские 100 грамм. Как алкоголь повлиял на исход войны. URL: https://aif.ru/society/history/narkomovskie_100_grammov_kak_alkogol_povliyal_na_ishod_voyny (дата обращения: 07.07.2021).
6. Никишин А. В. Водка & Сталин. М.: Дом русской водки, 2006. 440 с.
7. Как спился Советский Союз? Известный исследователь о корнях «пьянства испокон веков» и о том, так ли глубоки эти корни. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/196720805> (дата обращения: 07.07.2021).
8. Гуреев М. В. Человечество на распутье: образы будущего. Моральный аспект проблемы // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 4 (54).
9. Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 69–70.
10. Курганов И. А. Женщины и коммунизм. Нью-Йорк: Посев, 1968. 266 с.
11. Кудрявцев М. «Стать Америкой», оставаясь Россией: путь к процветанию. «Золотой миллиард», настоящее и будущее России. М.: АлгоритмБ, 2006. 448 с.
12. Сборник иностранных рецептов ликеро-водочных изделий. Л.: Ленинградский ликеро-водочный завод, 1938. 57 с.
13. Каталог ликеро-водочных изделий. М.: Художественно-оформительский комбинат. Продоформление Пищепромиздата МППТ СССР, 1957. 104 с.
14. Ликеро-водочные изделия 1957 г. Назад в СССР. Вспоминаем наше советское прошлое. URL: <https://back-in-ussr.com/2013/07/likero-vodochnye-izdeliya-1957-g.html> (дата обращения: 07.07.2021).
15. Герасимов М. А. Технология винодельческого производства. Ч. 2. Обработка и выдержка вина. (Подвальное хозяйство). М.: Пищепромиздат, 1948. 412 с.
16. Напиток молодости нашей: какие были портвейны в СССР. Товарный словарь. Здоровье. Отношения. Психология. 1999. URL: <https://shatika.ru/napitok-molodosti-nashei-kakie-byli-portveiny-v-sssr-tovarnyi-slovar.html> (дата обращения: 07.07.2021).
17. Поражение (1987, драма). URL: <https://cinema.mosfilm.ru/films/35542/> (дата обращения 07.07.2021).
18. Паршаков Е. А. Экономическое развитие общества: Концепция кооперативного социализма. М.: Дикое поле, 1997. С. 200.
19. Андриенко Ю. В. Оценка индивидуального спроса на алкоголь. М.: EERC, 2005. С. 30.
20. Качалов И. Как повысить эффективность продаж алкоголя // Практический маркетинг. 2004. № 9 (91). С. 2–3.
21. Демин А. К. Здоровье населения и алкогольная эпидемия в России: лекарство от жизни? М.: Российская Ассоциация общественного здоровья, 1998. С. 16.
22. Оружие геноцида: самоубийство людей и его механизмы. URL: http://skyfamily.ru/idea/7/450_11.htm (дата обращения: 07.07.2021).
23. Нужный В. П. Вино в жизни и жизнь в вине. М.: Синтег, 2001. 396 с.
24. Лукьянов С. Читаем старые газеты: о прохладительных напитках и обмане покупателей. URL: <https://berdskasloboda.ru/o-prohladitelnyh-napitkah/> (дата обращения: 07.07.2021).
25. О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения: Указ Президиума ВС РСФСР от 16.05.1985 № 398-XI. URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=30414#0746582925642246> (дата обращения 07.07.2021).
26. Немцов А. В. Алкогольный урон регионов России. М.: NALEX, 2003. 136 с.
27. Немцов А. В. Самоубийства и потребление алкоголя. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/073/tema01.php> (дата обращения: 02.07.2021).
28. Яновская К. Б. Пивали и хуже // Коммерсант. 2007. № 1. С. 25–29.
29. Орлов А. С. Основы курса истории России: учеб. пособие / под ред. А. С. Орлова, А. Ю. Полунова, Ю. Я. Терещенко. М.: Простор, 2006. С. 599–609.